

DOI: 10.2478/v10122-010-0001-2

ARTICLES

УСТУПИТЕЛЬНОСТЬ КАК МЕТАТЕКСТОВОЕ ЯВЛЕНИЕ¹

АНДРЕЙ БОГУСЛАВСКИЙ

ABSTRACT. Андрей Богуславский. *Уступительность как метатекстовое явление*. *Lingua Posnaniensis*, vol. LII (1)/2010. The Poznań Society for the Advancement of the Arts and Sciences. PL ISSN 0079-4740, ISBN 978-83-7654-030-6, pp. 7–13

The author deals immediately with the properties of the Russian concessive word *хотя*. He assigns it the task of conveying the idea of the possibility of q and $\sim p$ (where q is directly bound with the word *хотя*, and p , with the rest of a given sentence), while the relevant sentence represents, primarily, knowledge that p , q is the case. But the object of his main interest is the interpretation of the *status* of the word, as well as of all similar units of language, in the overall structure of knowledge representation as materializing in sentences. Following the lead of Wajszczuk, he ascribes such units the property of forming a special layer of information in the sentence: the metatextual layer of the speaker's comments on his own current basic utterance. Arguments in favour of this approach are presented.

Andrzej Boguslawski, Katedra Lingwistyki Formalnej, University of Warsaw, Browarna 8/10, 00-311 Warsaw, Poland

Профессор Ницолова в своем весьма богатом и разностороннем творчестве уделяла много внимания и вопросам прагматики (ср., напр. Ницолова 1984), прекрасно зная, насколько громадную роль в общении с помощью средств естественного языка играют факторы и механизмы именно прагматического порядка.

В этом коротком высказывании я хочу показать необходимость ограничения – за счет прагматики – семантической нагрузки одного, но довольно поучительного (и подсказывающего должное теоретическое обобщение), выражения: имеется в виду русское *хотя*. И не только необходимость: также определенную возможность такой трактовки. Эта возможность опирается на идею метатекстового истолкования подобных выражений, предложенную Ядвигой Вайщук (Вайщук 1997).

В качестве отправной точки в своем обсуждении я возьму очень пространное *се-*

¹ This article was written several years ago in honour of Professor Ruselina Nicolova, the eminent Bulgarian scholar and linguist, for her *Festschrift* edited by Sagner Verlag in Munich no earlier than 2008, with a huge delay, compared to the time when the invitations to participate in the volume were sent to Professor Nicolova's colleagues, including myself. I responded to Professor Dzhanova promptly and sent my article at the indicated address. I have never received any answer and, regrettably, my article has not been included in the *Festschrift*, possibly, because the mail did not reach the addressee. I ask my most respected friend, Professor Nicolova, to accept, in this way, my most sincere compliments and congratulations, as well as my best wishes of many further scholarly achievements and well-being.

мантическое толкование “уступительного” *хотя*, как оно дано в статье широко известной ученой, Урысон (Урысон 2002: 47):

“[а] имеет место ситуация Q; имеет место ситуация P;

[б, пресуппозиция] обычно или по мнению говорящего или слушающего:

(i) ситуация из класса Q' влияет на имеющееся положение дел и препятствует существованию ситуации из класса P'; в результате если имеет место ситуация из класса Q', то не имеет место ситуация из класса P';

или

(ii) если имеет место ситуация из класса Q', то не имеет место ситуация из класса P'; потому что существует какая-то другая ситуация, которая влияет на имеющееся положение дел и благодаря которой существует ситуация из класса Q' и не существует ситуация из класса P'”.

В этой характеристике правильно отражается та непреложная истина, что в предложении с *хотя* во всяком случае предлагаются как предмет знания два легко выделяемых положения дел, которые мы в дальнейшем будем обозначать (следуя Урысон и другим авторам) как *q* (положение дел, непосредственно связанное с *хотя*) и *p*. Со всем остальным в приведенной записи не хотелось бы согласиться: не только нет необходимости вписывать в *хотя* предусмотренное автором исключение определенных ситуационных комбинаций, даже с ограничением, касающимся “(лишь) обычности” такого исключения, но нет также никакого основания приписывать (альтернативно) говорящему мысль о том, что либо он сам либо его адресат питают подобные предположения относительно упомянутого исключения.

Как только мы зададимся вопросом о надлежащем о б о б щ е н и и, чего, естественно, требуют методологические принципы, причем требуют безоговорочно, мы придем к выводу, что единственным указанием, осуществляемым *семантически* с помощью выражения *хотя*, является указание на то, что м о г л а б ы иметь место ситуация “ $q \wedge \sim p$ ”. В том, что это именно так, можно убедиться, наблюдая за поведением аналитических или априорных истин в положении *p*, т.е. истин, отрицание которых как раз *не может* осуществиться. В самом деле, соответствующие предложения с *хотя* а б с о л ю т н о неприемлемы, ср.:

(1) *Хотя $2 \times 2 = 4$, $2 \times 4 = 8$.

(2) *Хотя он ушел, $2 \times 4 = 8$.

Они неприемлемы в отличие даже от такого высказывания, как, скажем,

(3) Хотя $2 \times 2 = 4$, он ушел.

Нет спора: предложение (3) очень странно; оно скорее всего может быть использовано в качестве шутки. Но это именно следствие действия прагматических факторов: сопоставление мыслимости “его *неухода* с данного места” с известной арифметической истиной как совместимых, хотя и правильное, производит впечатление прихоти, в которой нет “никакого резону”. Оно, мы бы сказали, в миллиардах и более ситуаций совсем “ни при чем”, т.е., выражаясь по-ученому, нерелевантно. Стоит, однако,

придумать ситуацию, все-таки подсказывающую такое сопоставление, как все встает на свое место: представим себе, что “он” настаивал на том, что $2 \times 2 = 4$, и добился подтверждения этого тезиса.

Еще пример. Одним из самых простых способов описания того несложного факта, что кто-то сначала закурил, а уж потом подписал некий документ, является следующее высказывание:

(4) Перед тем как подписать этот документ, он закурил.

Но определенные коммуникативные потребности могут легко навевать говорящему другое высказывание, высказывание, которое, если взять его обособленно, производит, скорее всего, диковинное впечатление:

(5) Хотя он подписал этот документ, перед тем как подписать его, он закурил.

“Забраковать” (5) никак не приходится. И весь фокус здесь в том, что “обратная возможность” действительно (причем понятным для слушающего образом) предстает мысленному взору говорящего: мог же *не* закурить, а не, закурил. Если же перед нами ряд ситуаций “съел одну крошку хлеба”, “не наелся”, то идея “мог наестся”, хотя и логически совместимая с указанным рядом, явно остается в тени (следовательно, не приходится удивляться, что предложение *Хотя он съел одну крошку хлеба, не наелся*, мало кому придет в голову; но важно и то, что оно ни в коем случае не находится под жестким запретом [этот пример я привожу в связи с обсуждением сходных контекстов в статье: Апресян 2004: 261–262]).

Предложенное истолкование показывает глубокую связь нашего повсеместно всплывающего выражения *хотя* с самым фундаментальным механизмом речи и всей духовной жизни, каким является обзриваемая нами, воплощенная в словесных средствах *альтернатива*. Притом становится понятным, почему *хотя*, это как будто бы избыточное слово, столь частотно и столь нужно. Если бы за этим словом скрывался такой сложный “рассказ”, как он дан в записи Урысон, мы бы ожидали, скорее всего, что люди лезли бы за ним гораздо реже.

Намеченным семантическим обобщением и связанным с ним указанием на прагматическую обусловленность конкретного функционирования слова *хотя* наша характеристика этого выражения не исчерпывается.

Как ни “аскетична” даваемая ему нами “выкладка”, определенным познавательным значением (а именно указанным намеком на альтернативу) оно в конце концов наделено. Очередной вопрос, касающийся этого значения, состоит в том, какое место оно занимает в целостной структуре представления того, что говорящий предлагает адресатам в своем законченном высказывании – что он предлагает им как фрагмент знания. И вот здесь опять семантика по-своему соприкасается с прагматикой. Речь идет, в частности, о том, что содержание нашего выражения реализуется, по идее Вайшук, в особой метатекстовой линии всего “сборного” текста в целом. Эта линия, по природе вещей, имеет дело с комментированием со стороны говорящего того, что он говорит, так сказать, в “объектной” линии (*object level*) своего текущего высказывания. Такие комментарии, в свою очередь, опять просто по природе вещей, “субъективны”; поскольку же “субъект речи” является классическим предметом интереса

прагматики, семантика слова *хотя* неизбежно приобретает таким образом некоторую прагматическую окрашенность.

Я попытаюсь показать, путем определенного рассуждения, что такая картина функционирования нашего слова, а вместе с ним и многих других выражений, которые ведут себя в соответствующем отношении сходным образом, в одно и то же время ярко отлична от того, что применимо к, так сказать, самым обычным выражениям (в частности, глагольным), и необходима.

В чем состоит распространенный подход к таким выражениям, как *хотя*? В том, что они либо возводятся в ранг предикативного центра всего предложения либо опускаются (как мы это видели в представлении Урысон) до уровня “пресуппозиции”, уровня, который, однако, относится к той же “объектной” плоскости высказывания, что и остальные, основные, компоненты познавательного содержания. В обоих случаях происходит нивелировка выражений: наши интуитивно весьма специальные выражения подгоняются под общий образец, вместе с самыми привычными выражениями.

Что противоречит правильности такого, традиционного, подхода? Во-первых, тот факт, что возможный “перевод” соответствующих предложений в регулярную синтаксическую аргументно-предикативную форму функционально контрастирует с исходными структурами; во-вторых, тот факт, что такой “перевод” *оставляет возможность вторичного применения* к нему тех же выражений, выражений, которые должны были бы как будто “раствориться” в том “переводе”, но которые в нем отнюдь не “растворяются”. Очередные же “переводы” могут в конце концов привести к бесплодному усложнению предложений и регрессу: тогда оказывается, что цепи “переводов” вообще не следовало инициировать.

Урок, вытекающий из всего того, о чем шла речь, тот, что необходимо признать существование постулируемого Вайщук особого слоя (а может быть, особых слоев) передаваемой информации и отдельно охарактеризовать его, адекватно вскрывая его своеобразие и роль в общении.

Сказанное раскроем на небольшом, неоспоримо типичном примере уступительного предложения с *хотя*:

(6) Хотя их было меньше, они победили.

Теоретически, можно было бы воспользоваться в этой операции анализом Урысон или другими анализами, предлагаемыми в литературе: эффект, который нас интересует, доступен наблюдению независимо от того, верна ли материально данная семантическая “выкладка”. Однако, лучше основать изложение на более адекватной интерпретации выражения – как она была введена выше, тем более, что прозрачность представления от этого сильно выиграет (в частности, запись Урысон достаточно громоздка).

Сначала проведем опыт, касающийся разбора в духе Айдукевича, с содержанием *хотя* как предположительным центральным функтором всего высказывания. Мы получаем:

(7) Возможность сочетания ситуаций $q, \sim p$ такова, что $q =$ ‘их было меньше’ имеет место, $p =$ ‘они победили’ имеет место.

Сравнение (7) с (6) показывает со всей очевидностью резкое изменение функциональной или коммуникативной ценности предложения, независимо от того, что составные предметные ситуации тождественны, а возможность комбинации $s \sim p$ тоже учитывается в обоих высказываниях. Дело прежде всего в том, что в (6) говорящий сосредоточивает свое внимание на p и выстраивает определенную *иерархию* ситуаций, в то время как в (7) обе ситуации сугубо параллельны (если не считать самого по себе упоминания о *возможности* сочетания $s \sim p$); кроме того, в (7) темой становится абстрактное понятие, что совершенно расходится с идеей (6), где говорящий *не посредственно* описывает конкретных людей, скажем, солдат, которым лишь добавочно приписывается некоторая потенциальная возможность участия в нереализованной ситуации.

Перейдем к допустимости вторичного применения слова *хотя* к результату “перевода” в виде (7). Что такое применение возможно и что мы при этом во многом возвращаемся к исходному высказыванию, только в несколько вычурной форме, с другой же стороны, что слово *хотя* опять привносит нечто особое в отношения между собеседниками – все это не вызывает сомнения. Ср.:

- (8) Хотя сочетание ситуаций $q, \sim p$ возможно, оно таково, что $q =$ ‘их было меньше’ имеет место, $p =$ ‘они победили’ имеет место.

Предложение (8) в свою очередь можно переработать, по образцу (7) и его соотношения с (6), в предложение

- (9) Возможность возможности сочетания ситуаций $q, \sim p$ такова, что $q =$ ‘их было меньше’ имеет место, $p =$ ‘они победили’ имеет место.

За (9) может следовать предложение, построенное по образцу (8) и т. д. Получается цепь конструкций одна другой неудобоваримее. Так с особой силой проявляется неповторимое и неподражаемое свойство высказываний с *хотя*.

Теперь займемся тем, что происходит с рассматриваемым нами предложением, когда оно интерпретируется как передающее с помощью *хотя* пресуппозицию в виде ‘могло бы быть так, что имеет место: их было меньше, они *не* победили’, т.е. займемся интерпретацией, соответствующей идее Урысон, хотя в более скромной и вместе с тем более адекватной формулировке.

Сначала получим:

- (10) Сочетание ‘их было меньше’, ‘они победили’, |такое, что могло бы быть так, что имеет место: их было меньше, они не победили| имеет место. [Здесь пресуппозиция воплощается, вполне прототипически, в нерестриktivное относительное придаточное предложение; для удобства читателя заключаем его в скобки ||.]

К данному словесному образованию следует отнести отчасти те же критические замечания, что и к предшествующей версии. Прежде всего повторяется главный его порок, состоящий в потере определенной, субъективной!, *иерархии* ситуаций, как она была нами описана выше; темой становятся также здесь *ситуации* (*состояния, положения вещей*) и опять на задний план отступают реальные темы возможных исходных текстов, такие, как отдельное лицо, люди, та или другая вещь и т. п.

От (10) перейдем к вторичному применению слова *хотя*, касающемуся результата presupпозиционной переработки (6). Получаем:

- (11) Хотя могло бы быть так, что имеет место: их было меньше, они не победили, сочетание ‘их было меньше’, ‘они победили’, такое, что могло бы быть так, что имеет место: их было меньше, они не победили, имеет место.

Но что получается, если мы, в соответствии с ныне рассматриваемой интерпретацией, построим “перевод” (11) по образцу (10)? Нас ожидает следующая громоздкая конструкция:

- (12) Сочетание ||‘могло бы быть так, что имеет место: их было меньше, они не победили’, ‘сочетание ‘их было меньше’, ‘они победили’, такое, что могло бы быть так, что имеет место: их было меньше, они не победили, имеет место’||, такое, что могло бы быть так, что |могло бы быть так, что имеет место: их было меньше, они не победили, неверно, что ‘сочетание ‘их было меньше’, ‘они победили’, такое, что могло бы быть так, что имеет место: их было меньше, они не победили, имеет место’|, имеет место.

Я не стану развешивать очередные звенья цепи. Они приводят лишь к чудовищно растущей неразберихе (несмотря на их полную логическую оправданность). Одно существенное обстоятельство все же сохраняется: на любом шагу оказывается возможным извлечение определенной части предложения и снабжение его словом *хотя*, которое придает целому новый и полностью своеобразный характер. Зато каждый очередной шаг – в направлении обычной аргументно-предикатной структуры – оказывается искажением и порчей единственных в своем роде, также в отношении меры их “хитрости”, коммуникативных приемов. Но виной этому исключительно затея, чтобы перевести слова вроде *хотя* в плоскость совсем чуждых им базисных аргументно-предикатных структур.

В заключение скажем пару слов про (анонсировавшуюся в самом начале статьи) *возможность* решения намеченной дилеммы, настоятельную необходимость которого мы пытались показать. Эта возможность, напомним еще раз, состоит в использовании программы Вайщук.

Начертаем эту возможность в иллюстративном порядке, описывая конкретный случай предложения (6).

Вот постулируемое описание. (6) – это в основном изображение знания об определенной группе людей, что ей свойственны (i) меньшая численность, чем та, которая характерна для известной другой группы, (ii) достигнутая ею победа над той группой в доступных слушающему обстоятельствах. С помощью же слова *хотя* автор (6) говорит о с е б е и о том содержании своего в данный момент протекающего высказывания, которое указано в нашем предыдущем утверждении. Предметом же его комментария к текущему высказыванию является, во-первых, сам тот факт, что он говорит о тех людях, о которых он говорит, и то, **что** он говорит, причем намекая на то обстоятельство, что слушающий знает, что он [говорящий] про них данную вещь говорит, во-вторых же, и **дополнительно**, тот факт, *что могло бы быть так, что (i) сочеталось бы [не с (ii), а, наоборот] с отрицанием / логическим дополнением (ii)*. Последняя, “до-

полнительная”, мысль это, конечно, г л а в н а я мысль, кроющаяся за словом *хотя*, даже если она и сводится к напоминанию о том, что слушающему прекрасно известно. Это действительно главная мысль, потому что именно она устанавливает определенную *иерархию* изображаемых ситуаций, а также вводит, так сказать, “образ” говорящего с его коммуникативной установкой; данное обстоятельство имеет огромное значение для взаимодействия со слушающим(и).

Еще только словечко про одну характерную особенность выражения *хотя* и других членов (не обязательно всех членов) класса метатекстовых единиц, на которую особое внимание обращает Вайшук. Я имею в виду грамматическую разнокатегориальность выражений, с которыми они сочетаются. Она вполне понятна, если учесть, что наши единицы по сути дела осуществляют, по преимуществу, н а м е к и говорящего (намек весьма личного характера) на довольно “толстые обстоятельства”.

Я проиллюстрирую эту разнокатегориальность с помощью примеров, употребленных в переписке со мною исследовательницей интересующих нас здесь феноменов, в частности, самого слова *хотя*, ср. Апресян 1999, 2004:

(13) Там платят регулярно, хотя мало.

(14) Там платят мало, хотя регулярно.

В (13), (14) по одну сторону слова *хотя* стоит глагольная группа, по другую – наречие или количественное слово, т.е. члены совсем других синтаксических классов, чем глагольные группы. И это никому в малейшей степени не мешает. Все сразу же становится понятным.

ЛИТЕРАТУРА

- АПРЕСЯН Валентина Ю. 1999. “Уступительность в языке и слова со значением уступки”. *Вопросы языкознания* 5, 24–44.
- АПРЕСЯН Валентина Ю. 2004. “Уступительность: языковые связи”. В: Апресян (ред.) 2004: 255–266.
- АПРЕСЯН Юрий Д. (ред.). 2004. *Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой*. Москва: Языки славянской культуры, 255–266.
- НИКОЛАЕВА Татьяна М., ФУЖЕРОН Ирина. 1999. “Некоторые наблюдения над семантикой и статусом сложных предложений с уступительными союзами”. *Вопросы языкознания* 1, 27–46.
- НИЦОЛОВА Руселина. 1984. *Прагматичен аспект на изречението в българския книжовен език*. София: Народна просвета.
- ТЕРЕМОВА Раиса М. 1986. *Семантика уступительности и ее выражение в современном русском языке*. Ленинград.
- УРЫСОН Елена В. 2002. “Союз *хотя* сквозь призму семантических примитивов”. *Вопросы языкознания* 6, 35–54.
- ХРАКОВСКИЙ Виктор С. 1998. “Универсальные уступительные конструкции”. *Вопросы языкознания* 1, 103–122.
- KÖNIG Ekkehard. 1991. “Concessive Relations as the Dual of Causal Relations”. In: ZAFFERER 1991: 109–209.
- WAJSZCZUK Jadwiga. 1997. *System znaczeń w obszarze spójników polskich. Wprowadzenie do opisu*. Warszawa: Katedra Lingwistyki Formalnej UW.
- ZAFFERER Dieter (ed.). 1991. *Semantic Universals & Universal Semantics*. Berlin–New York: Foris, 109–209.